

НАПАДЕНИЕ БАНДИТОВ

Дорота, оцепенев, сидит у окна и бьет себя по лбу молчащей черной трубкой телефона. Кому еще можно позвонить, кто захочет помочь измученной женщине с двумя маленькими детьми, кто захочет с ней разговаривать? Она безнадежно одинока. Она смотрит на покинутый дом свекрови по другую сторону узкой улицы, на увядшие листья, кружащиеся в сером от пыли воздухе. Уже чувствуется зима. Дорота прижимает к себе ничего не понимающую Дарью — девочка сладко чмокает, прижавшись ротиком к ее груди и прикрыв от удовольствия глазки. Женщина целует покрытую нежным пушком головку доченьки. Сердце ее сжимается от боли, а глаза наполняются слезами. Марыся, старшая дочка, тихо входит в комнату и приникает к ее плечам. Какая же она стала спокойная и грустная! Наверняка чувствует, что в семье происходит что-то плохое. Не знает, но и не спрашивает, почему друзья, дети тети Мириам, так неожиданно уехали к отцу в Америку. Не понимает, почему любимая бабушка и тетя словно растворились в тумане. Пару раз спросила только, можно ли пойти ее проведать, а когда услышала «нет», еще больше замкнулась в себе. Даже не задала типичного детского вопроса «почему?», хотя сейчас он напрашивался сам собой. Но Марыся молчит и только смотрит исподлобья на окружающий ее страшный мир.

Отца она вообще почти не видит, временами только слышит, как он кричит и методично бьет мать. Девочка пошла учиться в арабскую школу, но так и не освоилась там. Только как-то раз утром сказала, что больше туда не пойдет и чтобы ее даже не просили об этом. Оно и к лучшему, ведь Дороте тоже хочется держать ее при себе.

— Бася, это Дот... — В конце концов она не выдерживает и решается на звонок, который еще в состоянии сделать.

— М-м-м, — слышит она в ответ и узнает голос бывшей подруги.

— Больше никого не осталось, Басюня, ты моя единственная надежда, — говорит Дорота умоляющим голосом. — Дружья должны прощать друг друга. Извини, что так долго не давала о себе знать, знаешь, застряла в деревне, проблемы семейки, горы пеленок. — Она старается придать своей речи веселый тон, хотя ей не до смеха.

— В счастье бранятся, в беде мирятся, — слышит она голос Барбары после долгой паузы. — Мы все знаем и только удивляемся, что ты, черт возьми, здесь еще делаешь? — выкрикивает она.

— Как это знаете? Что знаете? Неужели наша история попала на первые страницы местных газет?

— В Триполи, несмотря на то что он кажется маленькой деревушкой, можно услышать разные сплетни. Особенно осведомлены те, кто работает в таких местах, как мой старик. Если Малика, бывший посол, всеобщая любимица, уезжает к черту на кулички, то даже несведущим ясно: тут что-то не так. А если уж она забирает своих ближайших родственников, а остальных рассылает по всему свету, то это заставляет задуматься всерьез.

— Да, задачка не из сложных, — соглашается Дорота.

— Тогда, если позволишь, повторюсь: почему ты еще здесь сидишь?! — Она снова повышает голос. — Ты же такая мученица!

— Знаешь... — тихо начинает Дорота.

— Нет, не знаю, не понимаю, не осознаю всего этого! Почему ты не выехала с матерью, почему никто из этой ядовитой, лживой семейки не помог тебе, почему ты сидишь и еще чего-то ждешь?..

— Потому что не получилось, — Дорота резко прерывает этот поток слов. — Потому что Ахмед вначале не захотел отпустить меня, а потом решил, что я могу поступать как хочу, но заявил, что дети останутся с ним. Ты можешь такое предста-

вить?! Маленькой Дарье всего шесть месяцев... — У нее сбивается дыхание, и она уже не может ничего из себя выдавить.

— Наверное, не нужно напоминать, что я предупреждала тебя?!

— Да, — глухо отвечает Дорота и раздражается слезами.

— Мы уже ничем не сможем тебе помочь, — твердо произносит Бася. — Это слишком большой риск. Ты по уши в дерьме, и мы не дадим втянуть себя в это дело. Мне жаль, Дорота, но мы не собираемся тонуть вместе с тобой.

Повисло молчание. Дорота замирает от ужаса: она будто услышала приговор, и понимает, что теперь ей осталось только положить трубку.

— Хотя, я могу, позвонить Петру... — после паузы говорит Бася. — Надеюсь, ты помнишь нашего любезного консула? На твоё счастье, он ещё работает здесь, он добрый парень и с твердым характером.

— Да? — Дорота тихо вздыхает, вытирая нос дрожащими от волнения пальцами.

— Через полчаса на углу вашей улочки будет стоять машина, не такси, а частное авто, белый «ниссан». Ни о чем не спрашивай водителя, не называй никаких имен и фамилий, не говори даже, куда нужно ехать. Он будет знать. Сейчас только посольство может тебе помочь, и только наш МИД может что-либо придумать, чтобы тебя оттуда вырвать. Ты в такой ситуации, что они обязаны оказать тебе помощь. Это уже не обычные семейные дразги.

— Но у меня нет паспортов, нет даже свидетельства о рождении Дарьи...

— Черт возьми! — кричит Бася в ярости. — Ты ничего с собой не берешь, глупая коза! Никаких сумок, никаких чемоданов! Выходишь в чем стоишь, даже без памперса в кармане и *jalla*.

— Да, — эхом отвечает Дорота, и внутри у нее все сжимается.

— И не звони мне больше. Если кто-то захочет взглянуть на документы, то они у меня и так просраны. — С этими словами, не прощаясь, она заканчивает разговор.

Дорота вскакивает, кладет Дарью на кровать и поручает Марысе упаковать самое необходимое в школьный рюкзачок, а сама бросается к шкафу, чтобы найти сумку поменьше. Ведь должна же она взять с собой хотя бы пару трусов. Через пятнадцать минут она уже готова. Стоя в дверях спальни, окидывает комнату взглядом.

Тут внизу хлопает входная дверь и раздаются громкие мужские голоса. По спине Дороты бегут мурашки. Она в ужасе озирается в поисках другой дороги к спасению, но беспомощно замирает с Дарьей на руках. Марысю она отодвинула себе за спину и от волнения не может ступить и шагу.

— Не понимаю, зачем мы вообще сюда пришли, — доносится незнакомый мужской голос. — Что ты придумал? Что можешь подкупить должностное лицо?! — орет кто-то, потом слышится удар. — Говорю тебе: по машинам и на работу. Так просто ты не выкрутишься.

В следующее мгновение слышатся удар и сдавленный стон Ахмеда. Дорота прижимает палец к губам и показывает Марысе: молчи. Трясущейся рукой поправляет соску Дарьи и, повернувшись, на цыпочках выходит в спальню.

Непонятно, как такое могло произойти — наверное, от страха она слишком сильно сдавила малышку, а может, это ее учащенно бьющееся сердце разбудило дочку. Дарья вдруг открыла глазки, скривила рожицу и издала тихий писк, который уже через несколько секунд превратился в вой, похожий на сирену.

Дорота вбегает в комнату, закрывает дверь на ключ и баррикадирует ее тяжелым комодом. Откуда только силы взялись, чтобы его передвинуть, но сделала она это единым движением. Затем женщина бросается в самый дальний угол спальни и тащит за собой пораженную Марысю. Они садятся на пол и, словно цыплята, прижимаются друг к другу, вот только Дарья не прекращает своего концерта. Дорота слышит шаги на лестнице и от ужаса хватается руками за голову. Кто-то дергает дверную ручку, позже колотит в тяжелую деревянную дверь, кото-

рая, как надеется молодая женщина, все-таки выдержит. От мощного удара ногой замок срывается. И она уже знает, что ничто ее не спасет. Сорванная с петель дверь падает и переворачивает тяжелый комод. Столько сил может быть только у чудовища! Дот не хочет его видеть и от ужаса закрывает глаза. Девочки уже голосят вместе.

— А-а-а, вот где ты прячешь своих розочек, ублюдок. — Огромный подонок оборачивается к шатающемуся у входа Ахмеду и отвешивает ему тяжелую оплеуху. — Ну, показывай, что тут у тебя.

Два прыжка — и вот он уже около Дот и детей, тянет ее за волосы, вырывая их клоками.

— Какую блондинку себе отхватил! — отвратительно смеется бандит, скаля неровные пожелтевшие зубы.

Схватив Дот за волосы и юбку, бросает ее на большое супружеское ложе, а Марысю швыряет к лежащей на полу Дарье. Еще раз оценивает женщину взглядом, сжимает потрескавшиеся губы, а потом медленно поворачивается к покорному Ахмеду.

— Ну, — говорит он наконец, как бы преодолевая сопротивление. — Может, еще договоримся, приятель?

Он отпускает светлые волосы Дороты, и она, как львица, защищающая котят, бросается к перепуганным и заплаканным дочкам. Мужчины выходят из комнаты, оставляя их в страхе и слезах, но муж и отец не делает ни единого шага в сторону жены и детей. Дот слышит шепот в коридоре, а потом отвратительный предвкушающий смешок бандита. Еще один голос, полный веселья, присоединяется к остальным.

Через минуту дело набирает обороты: на лестнице раздается топот тяжелых ног, доносятся какие-то разговоры, в открытую дверь тянет вонь дешевых папирос. Дорота сидит на полу, застыв как статуя, словно она лишь свидетель происходящих событий. Ахмед вбегает в спальню и, не глядя на жену, вырывает у нее кричащих детей, подхватывает их, как котят, под мышку, а затем, не оборачиваясь, выходит. Ему на встречу с откупоренной бутылкой виски в руке входит главарь — она уже понимает, что